SPECIAL ARTICLE

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

Икута Митико

(Почетный профессор Осацкого университета)

2012 год был годом 120-летия со дня рождения Николая Александровича Невского. В честь этого юбилея прошли симпозиумы в различных местах, связанных с его жизнью, таких, как Петербург, Токио, острова Мияко. Автор данной статьи участвовала в петербургском международном симпозиуме. Там выступали лингвисты, этнографы, литературоведы, историки, фольклористы, японисты, айноведы, окинавоведы, специалисты по племени цоу из разных стран. Один этот факт уже говорит о чрезвычайно широком диапазоне исследований Невского как востоковеда.

По сравнению с другими востоковедами Невский отличался следующими чертами: во-первых, он был ученым, склонным к полевым исследованиям. Объектом его изучения часто становились малоизученные культуры малочисленных народов. Материал для исследования он собирал во время экспедиций. Во-вторых, он больше интересовался периферией, чем центром: диалектами и культурами японских окраин. В-третьих, диапазон его специальностей был чрезвычайно широк. Невского считали этнографом, лингвистом, религиоведом, окинавоведом, айноведом, японоведом и тангутоведом. В четвертых, у него был широкий круг друзей, среди которых были наиболее передовые ученые и России, и Японии.

В настоящей работе мы попытаемся разъяснить, во-первых, почему Невский часто пересекал границы научных дисциплин, во-вторых, в каких взаимоотношениях состоят отдельные дисциплины. Мы также хотим осветить в основном малоизвестный осакский период его жизни.

Икута Митико

Ярославль и Рыбинск

Н. А. Невский родился в 1892 г. в г. Ярославле в семье судебного следователя, служившего в маленьком уездном городке Пошехонье. Не прошло и года после рождения Николая Александровича, как умерла его мать, и отец вскоре женился снова, во втором браке у него родились две дочери.

В 1897 г. умер и отец, Невский был взят на воспитание родителями покойной матери и поселился у них в г. Рыбинске. В 1900 г. он был отдан в Рыбинскую классическую гимназию, которую окончил в 1909 г. с серебряной медалью. Еще до окончания гимназии дед с бабкой умерли, и попечение о его воспитании и образовании взяла на себя тетка по матери. В гимназические годы Невский занимался репетиторством, зарабатывая этим на жизнь себе и своей опекунше¹. По воспоминаниям двоюродной сестры, Невский дважды или трижды уезжал на все лето репетиторствовать или готовить учеников для поступления в гимназию. Однажды, когда он был в Пошехонском уезде, он собрал массу частушек – около полутора ста². Таким образом, уже в детстве он проявлял талант собирателя фольклорного материала во время полевых работах.

Петербург

По окончании гимназии интерес к восточным языкам привел Невского на Восточный факультет Петербургского Университета. Уступив настойчивому требованию родственников и директора гимназии, он сначала поступил в Петербургский Технологический Институт, но после окончания первого курса решил перейти в Петербургский университет на Восточный факультет, выбрав своей специальностью китайский и японский языки, к которым с давних пор чувствовал влечение.

Тогда, в предреволюционные годы, в Петербурге собралось много способных юношей, желающих заниматься японистикой. После победы в русско-японской войне (1904-1905) не только в России, но и во всем

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

мире Япония привлекала к себе внимание.

В качестве отличительных черт петербургского японоведения можно указать следующие. Во-первых, оно возникло на основе материалов Кунсткамеры и Азиатского музея. Во-вторых, японоведение возникло позже, чем другие отрасли востоковедения. В-третьих, японоведение как и другие отрасли востоковедения, было сосредоточено на анализе письменных материалов. Раньше считалось, что было достаточно исследовать материалы, привезенные Великой северной экспедицией В. И. Беринга или Российско-Американской компанией, и классическую литературу. Но международные отношения 20 в. требовали практического применения знания японского языка³.

В Петербурге собрались такие блестящие люди как Е. Д. Поливанов, С. Г. Елисеев, Н. И. Конрад, Н. А. Невский, братья Орест В. и Олег В. Плетнеры, О. О. Розенберг, М. Н. Рамминг. По словам В. М. Алпатова, ни в одной стране в первом десятилетии XX века не пришло в японоведение столько молодых перспективных ученых как в России⁴. Но многие из этих ученых впоследствии бежали и эмигрировали из России или погибли из-за политических репрессий.

Невский с момента вступления на путь востоковедения сразу проявил интерес к фонетике. В. М. Алексеев, тогда молодой приват-доцент и будущий академик только что вернулся из Китая. Он открыл фонетическую студию. Его студенты должны были изучать международную фонетическую транскрипцию. Он преподавал студентам первого курса китайский текст не иероглифами, а фонетическими знаками. Лет через десять, когда Невский стал преподавателем русского языка в Осацком училище иностранных языков (ныне факультет иностранных языков Осацкого университета), он тоже сначала давал студентам русский текст, записанный не кириллицей, а фонетической транскрипцией⁵.

Невский был способен усваивать любые незнакомые звуки чужого языка. Об этом много писали в разных воспоминаниях. Фонетические интересы Невского развивались и под влиянием тогда молодого приват-доцента Л. В. Щербы. Будущий фонетист мирового уровня только что открыл в университете кабинет экспериментальной фонетики. Туда пришли двое будущих ученых – Е. Д. Поливанов и Н. А. Невский.

Икута Митико

Атмосфера была идеальная. В университете общее языкознание возглавлял Бодуэн де Куртенэ, который создал учение о фонеме. Таким образом, лингвистические и фонетические способности Невского могли получить развитие в том же университете.

Он учился японскому языку у Г. И. Доли, сотрудника министерства иностранных дел, А. И. Иванова, все же в большей степени китаиста, и носителя языка Кроно Ёсибуми. Кроме университета Невский ходил еще в Практическую восточную академию, где ведущим японистом был Д. М. Позднеев. Туда ходили также Н. И. Конрад и Е. Д. Поливанов.

Когда Невский пришел на восточный факультет, существовали еще private курсы Л. Я. Штернберга. По рассказам Конрада, тогда было в обычае, чтобы некоторые ученые устраивали свои семинары. Они назывались «private». Это были занятия, не внесенные ни в какие расписания, не значащиеся ни в каких учебных планах. В Музее антропологии и этнографии в кабинете Штернберга занимались члены его неофициального семинара. В числе них были Невский и Конрад⁶. Метод Штернберга получил в литературе название этнографо-лингвистический. Он предъявлял два основных требования к ученому-этнографу: во-первых, не наблюдать жизнь народа со стороны, а погружаться в его быт. Во-вторых, чтобы общаться с людьми, надо было знать их язык⁷. Штернберг повлиял на Невского не только как на этнографа, работающего в поле, но и в методике ведения семинара, т. е. по примеру Штернберга Невский потом устраивал в Японии похожие «private курсы».

Окончив университет в 1914 году, Невский был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности на японской кафедре. Занимаясь над продолжением своего образования, он в то же время работал в Государственном Эрмитаже (в отделе нумизматики), что давало ему возможность существовать, так как он временно был оставлен при университете без всякого содержания.

В 1915 г. университет командировал его в Японию для усовершенствования знаний и приобретения необходимых навыков в разговорном языке⁸. Так в жизни Н. А. Невского начались так называемые «года странствий»⁹.

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

Токио

В 1915 г. Невский приехал в Японию. Это был его второй приезд в Японию. Два года назад, в 1913 г. он впервые приезжал в Японию в качестве студента-практиканта. Хорошо известен следующий смешной случай, произошедший тогда с ним. В гостинице он спросил, который час, на японском языке самурайского периода. Послушав эту анахроническую речь, слуги не удержались от смеха¹⁰.

На этот раз он приехал на два года. Сначала он жил в номере гостиницы Хонгофудзи вместе с Конрадом, приехавшим в Японию раньше его. Но через полгода Невский с Конрадом снимали особняк японского стиля в квартале Хонго Комагомэ Хаяси-тё. Они жили чисто по-японски – в повседневной жизни носили кимоно и сидели на циновках татами. Сохранилась фотография, где Невский и Конрад, одетые в кимоно, сидят по-японски, т. е. на плоской подушке прямо на полу. Они оба изучали у Такахаси Тэммин канбун (язык китайской классической литературы). В письмах Невскому, сохранившихся в библиотеке университета Тэнри, Конрад часто вспоминает совместную жизнь в Хаяси-тё.

В это время в Токио жили не только Невский и Конрад, но и О. О. Розенберг. Все трое были посланы в Японию на стажировку Петербургским университетом. Однажды трое японистов собрались и обсуждали японские исследования до поздней ночи. Тогда каждый определил для себя свою специальность. 76-летний Конрад, вспоминая эту встречу, говорил, что Розенберг взял себе буддизм, Невский – синтоизм, а он сам – китайскую культуру в Японии, т. е. канбун¹¹.

Невский писал о направлении своего исследования так: «Единственный путь для исследования первичных верований Японии – это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр.». «Далее, сравнивая японские сказания друг с другом и группируя их по районам распространения,

Икута Митико

можно, думается мне, в конце концов найти исходные пункты зарождения мифов, иначе, мифологические центры внутри страны, чем более или менее определить ход территориального развития мифов. Найденные центры, рассматриваемые в связи с историей сношения Японии с иностранными государствами, помогут, может быть, найти вообще места зарождения данных мифов и тем самым прольют некоторый свет на происхождение самой японской нации (или по крайней мере осветят древнюю историю народа)»¹².

Чтобы продвигать свои исследования, Невский не стал посещать лекции известных ученых Токийского императорского университета, как делали другие русские, а попросил знакомого хозяина букинистического магазина, у которого он постоянно покупал книги, познакомить его с японскими исследователями. Таким образом, Невский познакомился с известным этнографом Накаяма Таро. Они сошлись характерами и в 1916 г. вместе путешествовали по преф. Ибараки, собирая фольклорно-этнографические материалы.

Через Накаяма Таро Невский познакомился с Оригути Синобу и Янагида Кунио. Н. А. Невский стал участвовать в семинарах Янагида Кунио, Оригути Синобу, Яманака Кёко и Митамура Энгё, чем значительно расширил круг общения с японскими учеными и культурными деятелями. В отличие от университетских лекций, на таких семинарах высказывались самые разные взгляды и точки зрения. В докусёкай (семинарах по чтению и толкованию текстов) он истолковывал текст с точки зрения иностранца и давал сходные примеры из русской культуры, чем привлекал к себе внимание присутствующих японских ученых. Как раз в это время в Японии начала создаваться научная этнография. Н. А. Невский не только впитывал знания японских этнографов, но и, познакомив их с культурным материалом другой страны, продемонстрировал им возможности сравнительного метода в этнографии и тем самым сыграл определенную роль в формировании этой науки в Японии.

В 1917 г. в России началась февральская революция, Н. И. Конрад и О. О. Розенберг, у которых истек срок пребывания, вернулись в Россию. А Н. А. Невский остался в Японии. Он колебался – возвращаться в Россию или нет. Тогда он получил от своего учителя В. М. Алексеева

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

следующее письмо: «Не ездите в позорную страну до окончательного разрешения ея судеб»¹³. После Октябрьской революции стипендия от университета прекратилась, и ему приходилось работать внештатным сотрудником в коммерческой фирме «Мэироити», которую возглавлял российский эмигрант Василий Меерович. Тем временем он продолжал заниматься японоведением, не только участвовал в семинарах, но и опубликовал много статей в разных журналах.

Отару

В 1919 г. Н. А. Невский получил место преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище в г. Отару на Хоккайдо и достиг экономической стабильности. Однако там вокруг него не было специалистов, не с кем было поговорить на его излюбленные темы в области лингвистики и этнографии, поэтому он часто приезжал в Токио.

В том же году во время летних каникул Янагида Кунио посоветовал Невскому провести совместное исследование с фольклористом преф. Иватэ, Сасаки Кидзэн.

В 1920 г. Невский пересек всю северо-восточную Японию, путешествовал по преф. Фукусима, Мияги и Иватэ, где сохранялись старинные японские верования и обычаи. Он посетил местных этнографов Такаги Сэйити, Сасаки Кидзэн и Ино Канори и взял у них интервью о местном божестве Осира-сама, т. е. о народном веровании региона Тоно преф. Иватэ. В результате он написал прекрасные путевые заметки, включавшие его этнографические наблюдения.

В период жизни в Отару Н. А. Невский занялся еще и исследованиями языка южной оконечности Японии, представленной островом Мияко, одним из островов Рюкю, а также языка айну, находившихся на северной оконечности острова Хоккайдо.

В 1922 г., когда Невский приехал в Токио, он в течение месяца учился айнскому языку у Киндаити Кёсукэ, крупного специалиста по айноведению. В Отару Николай Александрович записывал айнский фольклор от принадлежавшей к племени айну горничной в доме, где он жил, но не мог в полной мере понять и проанализировать записанное. В Токио благодаря занятиям с Киндаити Невский смог восполнить эти

Икута Митико

пробелы.

Что касается диалекта Мияко, то Невский надеялся найти носителя в общежитии при Высшем педагогическом училище в Токио. Он попросил коменданта этого училища познакомить его со студентом с острова Мияко. Таким образом Невский познакомился с Уиунтин Кэмпу (позднее Уиунтин сменил фамилию на Инамура). Почти каждый день Уиунтин Кэмпу ходил к Невскому и давал ему уроки по диалекту Мияко.

На первый взгляд странно, что Невский начал одновременно заниматься двумя противоположно расположенными периферийными диалектами. Но это, наоборот, естественно: по словам ученика Невского, Такахаси Моритака, Невский часто говорил, что старинные обычаи и диалекты сохраняются именно на периферии страны¹⁴.

В Отару он познакомился с будущей женой Ёродзуя Исо. Исо была дочкой рыбака-владельца сетей из деревни Ирика уезда Сякотан с острова Хоккайдо. Она стала ассистенткой Невского и помогала ему в сборе материалов для исследования. Они поселились вместе в казенной квартире при университете, но за то, что Невский незаконно проживал с женщиной, он был исключен из училища. Так, в 1922 г., в жизни Невского закончился период Отару.

Осака

К счастью, благодаря ходатайству Янагида Кунио, Невский получил место во вновь созданном Осацком училище иностранных языков (ныне факультет иностранных языков Осацкого университета)¹⁵ и стал первым преподавателем русского языка там. Он получал 375 иен в месяц. Тогда первоначальное жалование у преподавателя в начальной школе было 40-55 иен¹⁶, а городской банковский служащий получал 50 иен¹⁷.

Приобретя солидное жалованье, Невский в течение семи с половиной лет, до возвращения в СССР, мог позволить себе ездить на полевые исследования по всей Японии и всесторонне развивать свои дарования.

Характерными особенностями Осацкого училища были практическая направленность обучения и приоритет, отдаваемый

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

восточным языкам. Большинство преподавателей – востоковеды и языковеды. Такая атмосфера для Невского была очень благоприятной. Здесь в качестве почасовика преподавали лингвист Симмура Идзуру и историк западных областей Китая Ханэда Тору из императорского университета Киото. В результате этого в исследованиях Невского появились новые тенденции.

Здесь он нашел друга на всю жизнь Исихама Дзюнтаро. В то время тому было 35 лет. Через 11 лет после окончания Токийского императорского университета Исихама поступил в Осацкое училище в качестве стажера специального курса (кафедра монгольского языка). Исихама был на 5 лет старше Невского, но у них было много общего в подходе к исследованиям, оба не замыкались в рамках своей специальности, свободно пересекали границу различных дисциплин.

С 1923 г. Невский стал преподавателем-почасовиком в императорском университете Киото. Часто пишут, что в этом университете он начал читать лекции по айноведению и диалекту Мияко, но в архиве Государственного университета Киото автору статьи не удалось обнаружить подтверждающего документа. Документально подтверждается только то, что ему поручали вести русский язык. Его ученики в своих воспоминаниях пишут, что он не ограничивался преподаванием русского языка, а свободно вел занятия, переходя от темы к теме. Это были, скорее, лекции, чем практические занятия, и плюс к этому после занятий он вел со студентами беседу по типу семинара в кафе недалеко от университета. Например, будущий крупный японский этнограф Исида Эйитиро, являвшийся в то время студентом экономического факультета, часто пропускал занятия на своем факультете, зато курс Н.А.Невского на филологическом факультете посещал неукоснительно и не пропустил ни разу. Он вспоминает, что он стал этнографом под влиянием Невского.

Таким образом Невский создал сеть востоковедов и лингвистов в районе Осака и Киото вдобавок к сети этнографов в Токио.

Невский и в Осака нанимал информанта – горничную Набесава Юки, дочь «айнского Гомера», Набесава Вакарупа. Собирая информацию со слов Юки, Невский продолжал свои исследования айнского фольклора, но постепенно он стал больше интересоваться диалектом острова

Икута Митико

Мияко, являющегося, по сравнению с Хокакайдо, где жили айны, изолированным островом и поэтому лучше сохранившего старинные обычаи и язык.

В осакский период жизни Невский ездил на остров Мияко три раза, а именно в 1922 г., в 1926 г. и в 1928 г. Во время летних каникул, когда материально обеспеченные иностранные преподаватели могли позволить себе отдых за городом на даче, Невский на небольшом катере плавал на остров Мияко. С тетрадями, карандашом и фотоаппаратом в руках он вел полевые исследования. Он записывал фольклор Мияко фонетическими знаками в тетради и сразу воспроизводил вслух то, что записывал, проверяя таким образом у местных жителей правильность своей записи. Как вспоминают местные жители, все были восхищены их точностью. Вскоре Невский стал любимцем всех жителей. Невский признавал, что он давно мечтал побывать на острове Мияко, являющемся кладезем старинных обычаев и народных преданий. Местный житель Симодзи Каору, восхищавшийся энтузиазмом Невского, приехавшего из далёкой России, под его влиянием стал исследователем своей родины и написал этнографическое исследование «Миякодзима но миндзоку бунка (Национальная культура острова Мияко)».

В 1927 г. Невский с коллегой по Осакском училищу иностранных языков Асай Эрин отправился в экспедицию на Тайвань. Асай намеревался обследовать племя сэдэк, а Невский – племя цоу. Асай характеризуя цели совместной с Невским экспозиции говорил: «Мы метили попасть одним камнем в двух птиц – изучить лингвистические особенности и фольклор племен Тайваня»¹⁸.

Они вместе сели на пароход в г. Кобе, но на Тайване Невский расстался с Асай на станции Тайтю и в одиночку добрался до селения Тапанги¹⁹. В отличие от Асай Невский интересовался племенем цоу по причине его возможной связи с Японией. На племя цоу его внимание обратил Ино Канори, известный этнограф-исследователь области Тоно, но еще более известный своими трудами по этнографии Тайваня. И как заметил Хияма Синъити,²⁰ Ино написал в своей книге «Дэнсэцу ни араварэтару ниттай но рэнса (Связующее звено между Японией и Тайванем, фигурирующее в легендах), что аборигены Японии кумасо –

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

выходцы из племени цоу. Как раз эта книга Ино была в библиотечном каталоге Невского, составленном Исикава Сётэн (букинистическом магазином Исикава)²¹.

Библиотека Невского долгое время сохранялась у отца Исо, жены Невского. Невский с Исо пропали без вести в Советской России и тесть стал продавать его книги букинисту Исикава. Вдобавок мы хотим заметить, что Невский посещал Ино Канори в сентябре 1917 г. и в августе 1920 г.²² Рядом с его домом был известный музей Тайваня.

С помощью Вонгы Ятаунгана, молодого человека, работавшего помощником Невского, он отобрал материалы по языку и фольклору цоу. В результате поездки Невский прочитал доклад под названием «Тайван содзокуго коу (К вопросу о языке племени цоу на Тайване)²³. Но только в 1935 г. в СССР он завершил обработку собранных материалов и опубликовал «Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу».

В осакский период жизни интересы Невского не ограничивались Японией и распространились на тангуттику. В 1227 г. под ударами конницы Чингисхана пала столица тангутского государства Си Ся (982-1227), погибла своеобразная культура. Лишь скудные строки летописей и древние легенды рассказывают о былой мощи государства тангутов²⁴.

Невский ушел с головой в расшифровку тангутской письменности. Что заставило Невского заняться тангутоведением? Исихама пишет: «Я с самого начала интересовался тангутоведением, но, не имея материалов, не решался углубляться в проблему. Я часто уговаривал Невского взяться за тангутоведение, говоря ему, что в России хранится уникальная и обширная коллекция книг на тангутском языке, но нет достойных исследований, чтобы прочитать их. Я убедил его, и он решил попробовать, взяв почитать мои книги»²⁵.

В Петербургском университете Невский учился у А. И. Иванова, которому принадлежали публикации «Тангутские рукописи из Хара-Хото» и «Документы из города Хара-Хото». В 1925 г. Невский побывал в Пекине и посетил проф. А. И. Иванова, своего бывшего учителя. Тогда Иванов работал старшим драгоманом в советском посольстве.

Невский написал ряд статей по тангутоведению в соавторстве с Исихама. Совместные исследования с Сасаки Кидзэн не увенчались

Икута Митико

публикацией, а с Исихама у него много совместных статей по тангутоведению. Исихама и после отъезда Невского в СССР продолжал публиковать в японских журналах статьи в соавторстве с Невским.

Исихама пишет: «Что касается его работ по Си-Ся (тангутам – М.И.), то достаточно будет сказать, что Невский стоит во главе всей мировой науки о Си-Ся. Он начал изучать письменность Си-Ся под моим руководством, но случилось с ним то самое, о чем говорит китаец Синь-цзун в своем знаменитом изречении: «Синий цвет происходит из индиго, но он более синий, чем сам индиго». Невский является основателем фонологии языка Си-Ся и сделал тангутоведение разделом лингвистической науки»²⁶.

Невский и Исихама сотрудничали не только в области написания научных работ. Они вместе создали научные общества. Через год после поступления в Осацкое училище иностранных языков Невский с Исихама создали при университете «Осака тоё гаккай (Осацкое общество востоковедов)» и опубликовали журнал этого сообщества «Азиа кэнкю (Исследование по Азии)». Как пишет Исихама в своем дневнике, они вместе с Невским буквально выпросили у директора Осацкого училища Наканомэ Акира разрешение создать научное общество при университете. Этот журнал выпустил 12 номеров. Невский опубликовал в четвертом номере свою первую статью по тангутоведению под названием «Сэйдзо модзи тайсё сэйка модзи сёран (Краткое руководство к письменным знакам Си Ся с тибетской транскрипцией)».

В 1926 г. было создано «Онсэйгаку кёкай (Фонетическое общество)». В списке его создателей нет имени Невского, но он участвовал в создании этого общества сотрудничая в его печатном органе: в первом номере журнала общество «Онсэй но кэнкю (Исследование по фонетике)» опубликована статья Невского под названием «Рюкю-но минва «Оудзура ханаси»-но онсэй тэнки (Фонетическая запись рюкюской сказки «Рассказ о большом перепеле»)».

В 1927 г. по инициативе Такахаси Моритака, Исихама Дзюнтаро и Невского было создано «Сэйан гакуся (Общество имени китайского востоковеда Ван Говэй)». Такахаси был молодым этнографом, преподавателем университета Кансай и учеником Невского.

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

Сэйан (Ван Говэй) - китайский филолог и один из лучших знатоков древнекитайской эпиграфики. Создавая общество, его члены хотели присвоить ему имя своего конфуцианского предшественника.

Невский предложил имя Ван Говэй, который как раз в то время утонул в озере Коммэй в Пекине²⁷. Все остальные одобрили его предложение²⁸. Невский очень уважал Ван Говэй и, когда был в Пекине, отправился к нему, но не застал его дома. Секретариат общества находился в учебном заведении Кайтокудо²⁹.

Часто пишут, что Общество Ван Говэй является преемником Осацкого общества востоковедов. А на самом деле это не так. В списках подаренных в общество Ван Говей книг мы видим издания Осацкого общества востоковедов. Это похожие, но разные организации: Осацкое общество востоковедов находилось при Осацком училище иностранных языков, а Общество Ван Говэй – при Кайтокудо. Невский пригласил Н. И. Конрада на конгресс в честь основания общества Ван Говэй. Конрад прочитал там доклад под названием «Востоковедение в Советской России». Невский предложил принять Конрада в общество в качестве почетного члена, и все собравшиеся одобрили его предложение. По случаю основания общества поступило письмо из ленинградского Азиатского музея с предложением начать обмен научной литературой между Японией и Россией.

В. М. Алпатов пишет: «Хотя Невского, особенно в осакский период, иногда приглашали выступать с докладами в японских аудиториях, но в целом он как иностранец не мог (даже при блестящем знании языка и культуры) вписаться в японское научное сообщество»³⁰. Но из вышесказанного ясно, что в осакский период своей жизни в научных сообществах Невский воспринимался не как чужак, а как один из ведущих ученых и организаторов.

Невский предложил Конраду остановиться у него, и Конрад увидел его быт. Невский носил кимоно, сидел на полу на подушечке с узором дракона, читал японские книги и писал японской кистью. У него дома было три горничных, и к нему всегда приходили студенты – так что всегда было многолюдно и весело. Он учился гидаю (вид драматического сказа японского эстрады и театра) и нихонга (живопись

Икута Митико

японского стиля). Этот образ жизни напоминал Конраду о его собственной незабываемой жизни в Хаяси-тё в Токио.

В то время Конрад писал В. М. Алексееву о Невском: «Скажу прямо: мне тягостно будет прощаться с ним; будет необычайно тяжело расставаться с ним; будет очень, очень тяжело его тут бросать. Он, конечно, здесь закис. Правда, живет он неплохо (материально); жена у него очень славная, культурная, умная и очень к нему (искренно) привязанная; он сам к ней, видимо, привязан очень; работает много и хорошо, но ...Так явственно ощущается вся бесцельность и недоделанность его работы. Вся его работа ни на что не наматывается. Он – один в своей работе, и в своей научной жизни.....Словом, ему нужно возвращаться, и я приложу все усилия уговорить его. Гражданство СССР он еще не получил, но вероятно, получит.мы должны с Вами, Василий Михайлович, его отсюда (с женой) вытащить. Это будет просто исполнением нашего дружеского долга к этому милому, талантливому человеку и великолепному работнику».³¹

Алексеев когда-то в своем письме Невскому от 2-го ноября 1917 г. советовал ему остаться в Японии, пока окончательно выяснится судьба родины³². Получив теперь письмо от Конрада, он стал хлопотать, чтобы помочь своему любимому ученику Невскому вернуться на родину.

Через 2 года Невский решил вернуться домой. Н. И. Конрад написал Невскому о его статусе после возвращения на родину:

«Вероятно, это будет последнее мое письмо Вам в Японию до Вашего отъезда сюда. Пишу это затем, чтобы дать Вам последние советы». Конрад пишет, что у Невского будет полная ставка, и он будет получать 270 рублей. Это как раз «среднее преподавательское жалование». Далее в конце письма Конрад пишет: «Кстати: Ваше место в Осаке занято? Если нет, то не посоветуете ли Вы мне аспирировать на него? Хорошо бы годика 2-3 проживать в Японии. А тем времени Вы бы меня тут заменили, а потом я бы Вас... Если что-нибудь будет интересное в этом смысле, не напишете ли?»³³

О причине возвращения Невского до сих пор пишут по-разному. Янагида утверждал: у Невского не было стабильного положения, он хотел вернуться, чтобы получить в России официальную штатную должность, чтобы его жена была надежно устроена. Накаяма Таро

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

говорил, что в Японии ему надоело жить под полицейским наблюдением. Като Кюдзо пишет, что он хотел досконально исследовать тангутский язык, используя самое большое в мире собрание тангутских текстов, находящееся в Ленинграде. По данным тайной политической полиции, в советском консульстве в Кобе Невскому поставили несколько условий, в том числе: он должен был поступить на работу в Ленинградский университет, тогда его жене и дочери будет предоставлено советское гражданство³⁴.

Невский очень беспокоился, что его дочь окажется без гражданства. Он писал в письме своему тестю Ёродзуя Кохатиро: «Надо зарегистрировать новорожденного ребенка в посемейную запись, но у меня нет гражданства, и мы попали в трудное положение. Как Вы знаете, пока я был в Японии, российское правительство рухнуло, и решением новых властей все русские за границей потеряли подданство... Не могли бы Вы зарегистрировать моего ребенка в записи Исоко³⁵? Если Вы согласитесь, то зарегистрируйте ее по имени Элен»³⁶.

Невский сам пишет, что он вернулся в Россию по приглашению В.М. Алексеева и Н.И.Конрада³⁷. Здесь, вероятно, сработало несколько факторов, но главную роль сыграло содействие со стороны СССР, а также его отцовская забота о дочери, которая могла остаться человеком без гражданства.

Ленинград

В 1929 г. Невский вернулся в СССР, сразу стал доцентом Ленинградского университета и преподавал там вплоть до своего ареста. В том же году он стал преподавать японский язык и в Ленинградском Восточном институте им. А. С. Енукидзе. С 1930 г. стал работать сотрудником в Ленинградском Институте востоковедения РАН СССР, с 1934 г. работал также в Эрмитаже.

В 1933 г. после долгих хлопот Невского и его советских друзей, учителей и начальников, а также с помощью японских друзей его семье, наконец, удалось приехать к нему.

Как пишет В. М. Алпатов, Невский работал на четырех работах и

Икута Митико

отрывал для научных занятий время не только от сна, но и от общения с людьми. Все время, когда ему не надо было быть на работе, Невский проводил дома за письменным столом. Семья Невских почти нигде не бывала³⁸.

Наблюдая, как вся эта текучка съедает творчество Невского, В. М. Алексеев в докладе под названием «Стахановское движение и советская китаистика» говорил с отчаянием: «На наших глазах хиреет и погибает колоссальный продуктор Н. А. Невский (пишет собственноручно учебник – азы)». В 1934 г. Алексеев представил Н. А. Невского к избранию в Академию, надеясь, что избрание оградит гениального ученого от «проклятых мелочей»³⁹. Однако попытка Алексеева не удалось. В Академии того времени важным критерием избрания были заслуги в строительстве социализма и коммунизма. В этом отношении, действительно, Невский был не очень активен.

Но все же в аспекте научной деятельности Невский был оценен по достоинству. 5-го января 1935 г. ему была присвоена степень доктора языкознания без защиты⁴⁰. Выше мы уже говорили о широком спектре интересов Невского – японоведение, этнография, синтоизм, айнский фольклор, язык цоу, диалект Мияко, тангутика. Но он сам в 1932 г. в письме С. Ф. Ольденбургу пишет: «Считаю своим долгом сказать, что мои основные интересы лингвистические по преимуществу»⁴¹. Его самоидентификация и объективная оценка совпали, и он получил ученую степень доктора по лингвистике.

В 1936 г. наконец Невский отказался от преподавания в Ленинградском восточном институте, а во всех остальных учреждениях он продолжал работать. Он сам пишет: «Слишком большая исследовательская и преподавательская нагрузка заставили меня в 1936 г. отказаться от преподавания в ЛВИ, во всех же остальных учреждениях продолжаю работать в качестве профессора и ученого специалиста». «Я по своему складу более всего чувствую удовлетворение при исследовательской работе и таким образом считаю работу в Институте Востоковедения наиболее соответствующей моим знаниям и способностям».⁴²

В СССР у Невского не было возможности вести полевые исследования. Местом сбора лингвистических и этнографических

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

материалов стали для него коллекции в Институте Востоковедения РАН в Ленинграде. Там он занялся тангутскими материалами в коллекции Козлова; интересную область, не исследованную другими учеными, нашел он и в области японистики. Это историческая фонетика японского языка и подготовка к печати первых в России рукописных грамматики и словаря японского языка, составленных японцем по имени Содза.⁴³

Вскоре наступил большой террор. В августе 1937 г. были арестованы Ю. К. Щуцкий и А. И. Иванов, а в сентябре китаист Б. А. Васильев. Невского арестовали 4 октября 1937 г. За ним пришли ночью. Он еще работал и сказал семье, что это какое-то недоразумение и часа через два вернется и очень просил ничего не трогать на письменном столе, так как по возвращении собирался продолжить работу. В дверях он обернулся, бросил Алексееву: «Прощайте!» - и вышел⁴⁴.

Это слово было последним. Невский и Алексеев жили в одной квартире. В то время в Ленинграде была нехватка жилья, и Алексеев сам предложил своему любимому ученику жить в одной квартире с его семьей. Через четыре дня арестовали и его жену Исо. После этого никто ничего о них не знал. Оставленная дочь Елена жила сначала в доме Конрада, потом она жила еще в трех разных семьях у родственников.

Когда Елене исполнилось 18 лет, она начала поиск своих родителей. Она поехала в Москву и обратилась в приемную КГБ. Через полгода ее вызвали в КГБ и сообщили, что отец умер 13 февраля 1945 г, мать – 12 декабря того же года.

В 1957 г. был реабилитирован Невский, а Исо – в 1958 г. Дочери выдали официальные свидетельства о смерти. Там написано, что Невский умер 13 февраля 1945 г., причина смерти – миокардит, в свидетельстве о смерти матери – умерла 14 декабря 1945 г. причина смерти – нефрозонефрит.

В 1991 г. когда открылся доступ к «делам» репрессированных, Елена Невская наконец узнала, что и отец, и мать были расстреляны сразу и в один и тот же день – 24 ноября 1937 г. Она увидела в «деле Невского», что в качестве информанта и секретного сотрудника третьего отдела УНКВД фигурирует японист А. А. Холодович, ученик Конрада и коллега Невского по Ленинградскому университету и Институту

Икута Митико

Востоковедения РАН⁴⁵.

В сталинский период связь с заграницей, особенно с предполагаемым врагом - Японией - была смертельно опасна. Невского во время следствия держали в «стойке», т.е. заставляли стоять без сна и еды по многу часов, он дошел до невменяемого состояния и подписал признание в том, что создал в Ленинграде шпионскую сеть. Но это была еще только верхушка айсберга. Например, в Дальневосточном государственном университете в 1937–1939 гг. было репрессировано подавляющее большинство профессорско-преподавательского и студенческого состава.

В 1960 г. некоторые из сохранившихся тетрадей Невского по тангутике были опубликованы под названием «Тангутская филология» (в двух томах). В 1962 г. за эту работу Невский был посмертно удостоен Ленинской премии. Об этом писали во многих газетах, в том числе и в центральных. В Институте Востоковедения ждали и надеялись, что отыщется кто-то, кто встречался с Невским после ареста. Такой человек нашелся, это был В. М. Титянов, который находился с Невским в одной камере в период следствия по его делу. Е. И. Кычанов попросил его написать воспоминания о Невском. Титянов написал воспоминание в виде письма Кычанову.

Там Титянов передаёт слова Невского: «"Василий Михайлович (Титянов – И. М.)! На меня теперь наверняка обидится Вячеслав Михайлович Молотов (в то время народный комиссар, министр иностранных дел – И. М.), что я не завершил работу по изданию Русско-Тангутского словаря". Я ему посоветовал успокоиться. Вдруг он каким-то огорченным шепотом мне сказал: «Ну зачем меня обманули, привезли сюда – в Россию. Эх, Майский, Майский!»

Здесь под Майским подразумевался И. М. Майский. Он работал советником полпредства в Японии (1927-1929)⁴⁶. Сопоставляя эти показания Титянова с материалами японской тайной политической полиции, можно предположить, что это, видимо, Майский обещал Невскому, что его дочь получит советское гражданство при условии, что Невский вернется в СССР и будет там преподавать.

В заключение процитируем письмо Исихама Дзюнтаро к академику

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

В. М. Алексеву. Исихама характеризовал работу Невского следующим образом: «Н. А. Невский, прежде всего, японовед. Как таковой, он изучает язык, литературу и фольклор. Он вполне овладел и разговорным и литературным языками, и кроме того, имеет значительные познания в диалектах японского языка, а равно и в языках соседних с Японией народов, каковыми он овладел для завершения своих основных занятий». «Его работы по лингвистике всегда прекрасно скомбинированы с этнологическими и фольклористическими его познаниями». ⁴⁷.

Предметы исследования Невского на первый взгляд кажутся совсем разными и ничем между собой не связанными. Среди объектов его изучения - культ божества Осира-сама, айнский язык и фольклор, диалект и фольклор Мияко, язык и фольклору цоу и тангутоведение. Однако круг интересов Невского расширялся не вширь, а, наоборот, вглубь, имея целью поиски подлинной японской культурной архаики.

В течение 14 с половиной лет Невский вел в Японии полевые исследования. Живая этнографическая действительность требовала выхода за границы конкретных научных областей. Научная сфера является отрезанной замкнутой частью действительности, и ученые стремятся выяснить закономерность этой замкнутой области. Но при работе «в поле» антрополог имеет дело с непосредственной действительностью, включающей много факторов.

@@Notes@@

1. См.: Институт восточных рукописей (далее ИВР). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л.38-40.
2. Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С.10.
3. Като Юри. Росиаси-но нака-но нихонгаку (Японоведение в русской истории). Токио: Тоё сётэн. 2008. С. 17-18.
4. В. М. Алпатов. Сергей Григорьевич Елисеев// С. Г. Елисеев и мировое японоведение. М. 2000. С.13.
5. Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С.23.
6. Там же. С. 32-33.
7. Ольдерогге Д. А. Предисловие// Н. И. Гаген-торн. Лев Яковлевич Штернберг. 1975. С. 5-6.
8. ИВР. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л. 38-39.
9. Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 39.

Икута Митико

10. Сирё-га катару Нэфусуки. (Невский, как о нем рассказывают источники) / Сост. Икута Митико. Осака. 2003. С. 115.
11. Коннити-но Сорэнпо (СССР сегодня). 15 марта 1966 г.
12. Краткий отчет о занятиях в Японии с 1-го декабря 1915 по 1-е декабря 1916 года, представленный Императорскому Петроградскому университету// Петербургское востоковедение. Вып. 8. С. 259-260.
13. Письмо хранится в библиотеке университете Тэнри. Это письмо опубликовано только частично.
14. Сирё-га катару Нэфусуки. С. 125.
15. Дневник Н. А. Невского. Фрагмент // Восточная коллекция. Осень 2012. С. 24.
16. Нэдан-но Мэйдзи, Тайсё, Сёва (Эпохи Мэйдзи, Тайсё и Сёва и ценовые изменения). Асахи симбун. 1981. С. 19.
17. Нэдан-но Мэйдзи, Тайсё, Сёва (Эпохи Мэйдзи, Тайсё и Сёва и ценовые изменения). Асахи симбун. 1982. С. 69.
18. Като Кюдзо. Тэн-но хэби. Никорай Нэфусуки-но сёгай (Небесная змея: Жизнь Николая Невского). Дополн. изд. Токио:Кавадэ сёбо синсё. 2011. С. 165.
19. Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981. С.20-21.
20. Хияма Синъити. Нэфусуки-ва миндзоку гакуся-ка (Является ли Невский этнографом? // Нихон-то Росиа. № 7. 2008. С.226.
21. Сирё-га катару Нэфусуки. С. 47-57.
22. Огино Каору. Ино Канори. Нэмпу, сирё и сёси (Хронология, материалы и библиография). Тоно. 1998. С. 62-66.
23. Сэйан гакуся цухо (Вестник общества Ван Говей). № 1. 1927. С.10-16.
24. Кычанов. Е. И. Звучат лишь письмена.Рыбинск. 2002. С.5.
25. Исихама Дзюнтаро. Тоёгаку-но ханаси (Рассказ о востоковедении). Согэнся. 1943. С.194-195.
26. Перевод этого письма из английского на рус. яз. см. в Бюл. Архива Востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 48-52.
27. Сирё-га катару Нэфусуки. С. 186-187.
28. Там же. С. 34.
29. Кайтокудо было частной школой, созданной осакскими купцами в 1794 г., выпускниками этой школой являлись такие ученые-горожане, как Ямагата Банто и Томинага Накамото.
30. Алпатов В. М. Конрад и Невский//Российские востоковеды. М., 1998. С.48-49.
31. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 265-266.
32. Письмо от 2-го ноября 1917. Архив Н. А. Невского в библиотеке Тэнри.
33. Конрад Н. И. Указ. соч. С. 267-269.
34. Сирё-га катару Нэфусуки. С. 17.
35. В семейной записи она зарегистрирована как Исо, но Невский часто звали свою жену Исоко.

Ученый-энциклопедист Н.А.Невский – к 120-летию со дня рождения

36. Сирё-га катару Нэфусуки. С. 178.
37. ИВР. Ф. 152. Ед. хр. 426. Л. 50.
38. Алпатов В. М. Конрад и Невский //Российские востоковеды. М., 1998. С.29-62.
39. М. В. Баньковская. Семь ярких вспышек//Петербургское востоковедение. Вып. 4. 1993. С.403.
40. Милибанд С. Д. Востоковеды России XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. Кн. II. М. 2008. С. 18.
41. Архив АН РФ. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 413. Л. 13.
42. Архив ИВРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 426. Л.40.
43. В. М. Алпатов. В нём горел энтузиазм и свет науки //Восточная коллекция. Осень 2012. М., С.16.
44. Невская Е. Н. О родителях// Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб. 1996. С.529.
45. Там же. С. 525-551.
46. См.:Ёкотэ Синдзи. И. М. Майский в Японии в 1927-1929 гг. // Русский сборник исследования по истории России. М., 2010. С. 220-242.
47. Архив АН РФ. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 180. Невский Николай Александрович // Бюллетень архива востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 48-52.